

Александр Гордиенко

ГОД МУЖЧИНЫ

ЭФФЕКТ ЖЕНЩИНЫ

ОТКАЗАТЬСЯ НЕВОЗМОЖНО

Александр Гордиенко
Год Мужчины.
Эффект женщины
Серия «Год Мужчины», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22826563
Год Мужчины. Эффект Женщины: Animedia; Прага; 2017
ISBN 978-80-7499-247-6

Аннотация

Как некоторые из нас могли заметить, жизнь есть штука совершенно непредсказуемая. В ней сплошь и рядом может проявиться эффект бабочки. Или эффект Женщины. Эффект, известный тем, что поступок в точке отсчета совершает Женщина, а в тартарары летит жизнь Мужчины. И тогда уже наступает момент истины для Мужчины, пройдет он испытание предательством любимой Женщины или сломается и превратится в ничто...

Содержание

*** (2)(1) Екатерина Строева	4
*** (1)(1) Железнов	11
*** (2)(2) Екатерина Строева	20
*** (5)(1) Маша	35
*** (1)(2) Железнов	42
*** (1)(3) Железнов	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Александр Гордиенко

Год Мужчины

ЭФФЕКТ ЖЕНЩИНЫ

*** (2)(1) Екатерина Строева

Павильон

Кастинг. Второй сезон игры «Она мне нравится»...
За две недели до точки отсчета. Понедельник. 15.43

– Наташа, – Железнов заглянул в «стартовый лист» с резюме. «Не ошибся. Наташа. Наташа Грачева. Кастинг. Номер 43. Москва. 24 года. Менеджер по продажам рекламного агентства...» – Наташа, а что у вас на голове?

Сидящий в соседнем кресле Наум хмыкнул, прикрыл рот рукой и еле слышно пробормотал: «Ну ты и орел. В смысле остроты зрения, конечно. Как рассмотрел?»

Стоящая перед ними на подиуме девушка была очаровательна. Очаровательна своими пухлыми щечками, доверчивым взглядом и какой-то легкой непосредственностью.

Был тот редкий случай, когда Александр Железнов, креативный продюсер шоу «Она мне нравится», и Наум Алек-

сандров, режиссер того же самого шоу, имели возможность воочию, а не через камеру наблюдать будущих участниц шоу. Шел шестой час кастинга.

Железнов и Наум, уже изрядно обалдевшие, сидели в павильоне для съемок за небольшим столиком возле подиума и методично, одну за другой, отсматривали претенденток на участие в шоу, прошедших три предварительных тура. За ними было последнее слово, кого брать в проект, а кому сказать: «Спасибо. Мы вам позвоним».

– Так что у вас на голове? – повторил свой вопрос Железнов.

– Труссы у нее на голове, – неожиданно раздалось за спиной. – От фабрики «Красная нить».

Железнов резко развернулся в кресле в сторону голоса (всем устройствам для сидения Железнов предпочитал вращающиеся кресла на колесиках, когда можно быстро развернуться на девяносто или на сто восемьдесят, отъехать, подъехать, в общем, динамично перемещаться, не вставая).

У входа в павильон стояла Катя Строева, финалистка последнего железнковского шоу, женщина завораживающей или «замораживающей», как про себя определил Железнов, красоты. Жгучая брюнетка с зелеными глазами, субтильной фигурой и непропорционально большой для этого тела грудью. И – с ледяным взглядом.

Из-за ее спины выглядывала еще одна девушка.

Пару секунд Железнов и Строева сверлили друг друга

взглядом. Ничего не сказав, Железнов развернулся в сторону Наташи. – Это правда?

– Да, – Наташа немного виновато улыбнулась. – Только не от фабрики, а от «Помпеи», бесшовные. Я резинку забыла, – смущенно продолжила она, а мне волосы нужно было собрать в пучок... Вот я и подумала, что резинка есть только на...

– Ага, – перебил ее Железнов, – надо же! Вы всегда такая сообразительная?

Стоящая на подиуме Наташа смущенно улыбнулась и слегка развела руки в стороны. Поймав восторженный взгляд Наума, сраженного неординарностью решения проблемы резинки, Железнов кивнул Наташе:

– Наталья, вы в проекте! Поздравляю. Желаю вам сохранить... – Железнов на секунду запнулся, подбирая слово, – ...сохранить свой радикальный стиль.

Железнов развернулся к Кате. Со вкусом, как и всегда, у нее все было в порядке. Эдакий белоснежно-ярко-красный шедевр. Из белого: умопомрачительно короткая юбка и белоснежная блузка с кружевами на манжетах; из красного: высокие, выше колена, сапоги, широченный пояс на юбке, по-видимому, с платиновой застежкой, и нечто, похожее на галстук, двумя узкими треугольными клиньями спускающееся от шеи к талии. Если к этому присовокупить жгуче-черные волосы и зеленые глаза... В общем, достаточно эффектно. Очень дорого, но не вульгарно.

– Здравствуй, Катя. Какими судьбами?

– Вот, – Катя кивнула в сторону стройной девушки, оставшейся у входа, – подругу привела на кастинг.

– Ты немного опоздала. Ты же знаешь, здесь... – Железнов кивнул головой в сторону подиума. – Здесь четвертый тур. Поздно, – последнее слово прозвучало у Железнова тоном, не вызывающим возражений.

– Ну, Саша!

– Саша? – в голосе Железнова явно слышался ехидный сарказм. – Мы с тобой на брудершафт не пили. Саша я для него, – Железнов кивнул в сторону Наума, – ну и еще для двух-трех человек. Извольте выбирать... уровень общения.

– Извините, – Катя слегка опешила. В первое мгновение она даже не поняла, что ей отказывают. Она давно отвыкла от этого. – Александр! Наум! Да вы что! Я специально для этого из Лондона прилетела!

– Из Лондона?! На кастинг?! Специально?! – Няма сделал «искренние наивные глаза с улыбкой идиота», в смысле, глубокое удивление и непонимание. – Катя! Тебя усыновила английская королева?!

– Удочерила, – вмешался Железнов. Все посмотрели в его сторону. – Катю можно только удочерить, – невозмутимо продолжил он. – Хотя... Великобритания... – Железнов скептически пожал плечами.

– Да вы что! Александр! Наум! В каком мире вы живете! – от накатившего гнева глаза у Кати приобрели темно-изу-

мрудный оттенок. – Вы что, не знаете, что я теперь жена Григория Суханова!

– Суханова? – Железнов скривил губы и пожал плечами. – Плохо. Лучше бы – жена товарища Сухова. Из гарема. Или – Саахова.

– Какого Саахова?! – Катя непонимающе вперила взгляд в Железнова.

– Очень уважаемый человек. Районный руководитель. Партийный. И холостой.

– Вы что, не знаете Суханова!!!

– Не знакомы. Но слышали, – Железнов вопросительно взглянул на Наума.

– Банкир, самолеты, металлы. Легкие, – Наум взял небольшую паузу. – Еще законы голосует. Как бы. Из Лондона. Олигарх.

– Миллиардер? – Железнов продолжал задавать вопросы Науму, игнорируя Строеву. – Или миллионщик какой задрипанный?

– Говорят, миллиардер он...

– Кто говорит?

– Forbes говорит.

– А... эти. Эти, как правило, не врут. Ну, слава богу! А то я уж думал, что нашей Катьке...

– Я вам не Катька!!!

– ...попку прикрыть нечем. Няма, ты хотел бы стать женой миллиардера?

– Нее... – Наум на секунду задумался, – ...только вдовой.

– Здравая мысль.

– Хватит!!! Прекратите!!! Стоит мне только слово сказать!!!

– Так ты скажи. Мобильник с тобой? Мы и от себя можем пару слов добавить...

– Да я вас размажу! Я...

– Тонким слоем?

– По стенке?

– Няма! Мы будем обоями! Оба!

– Ага! Профили увековечим!

Разъяренная Строева только и успевала, что поворачивать голову от одного к другому, даже не пытаясь набрать побольше воздуха в легкие, чтобы рявкнуть что-либо в ответ.

– Класс! Катя, а ты не могла бы нас размазать в своем будуаре?

– Мы бы советы тебе давали...

– Отшкрябает! И выгонит!

– Да что вы о себе думаете?! – Строевой наконец-то удалось хоть как-то вклиниться в диалог продюсеров. – Вы еще придете ко мне на поклон!

– Ты живешь на Поклонной горе? Так там же мемориал, – Наум опять изобразил искреннее непонимание. – В каком месте?

– Хватит! – рявкнул Железнов. – Катя! Ты забыла о факторе случайности в жизни! Если бы мы не придумали это

шоу и не пригласили бы тебя в нем участвовать, кем бы ты сейчас была?! Подумай! В лучшем случае – подругой мелкого офисного начальника!

*** (1)(1) Железнов

Офис телекомпании. Кабинет Железнова

За две недели до точки отсчета. Понедельник. 18.14

Несколько раздраженный вызывающим поведением Строевой, Железнов после кастинга поднялся в свой кабинет с мыслью, что финансовые обязанности с него никто не снимал, а потому, запустив компьютер, полностью погрузился в процесс финансовой координации работ по созданию программ и сериалов для осенней сетки телеканала.

Из забытья Железнова вывел телефонный звонок по внутреннему. Железнов встряхнулся, тупо взглянул на монитор, на котором висел договор на производство пилотной серии очередного сериала, на автомате протянул руку в сторону трезвонящего телефона, но перед тем как поднять трубку, взглянул на определитель:

– Алле, Леоныч, привет. Ты чего хотел?.. По-поводу форматов?.. Заходи.

Положив трубку, Железнов поймал себя на мысли, что все-таки нужно лучше контролировать себя. За последнее время прецеденты по «зависанию» случались все чаще и чаще.

Прошло уже полгода, как Маша вместе с детьми и мужем

уехала в Новую Зеландию, а острота расставания не исчезала. Железнов постоянно жил с ощущением, что это было вчера: он в аэропорту, Маша с сыном на руках у терминала, след от слезы на ее щеке, безумно красивые и родные глаза и беззвучный шепот: «Я с тобой». «Как же удивительно устроена жизнь – за все время виделись всего пять раз, включая знакомство и расставание в аэропорту, а я готов ждать ее всю жизнь... Откуда же берется эта центроостремительная сила, безумно влекущая нас друг к другу, ощущение неимоверного тепла и комфорта просто от того, что она есть?»

Размышляя, Железнов поднялся из кресла и встретился взглядом с Оберстом, внимательно наблюдающим за другом с высоты крыши собственного клетки-дома. Чтобы успокоить своего притихшего маленького зеленого друга, может, и не понимавшего, что происходит, но четко чувствующего настроение Железнова, Александр решил сломать тишину и дальше размышлял вслух, обращаясь к Оберсту:

– Оберст, друг мой, мудрые люди говорят, что в жизни нет ничего более сложного, чем ждать и догонять. Я хоть и не мудрый, – Железнов иронично улыбнулся, – но считаю, что нельзя ставить знак равенства между этими двумя понятиями. Потому как догонять – это процесс, сопровождающийся действием, – затратами физической энергии на погоню с постоянной оценкой достигнутого в каждый момент времени результата – ты видишь, что дистанция сокращается, цель приближается, и это добавляет сил в процессе погони.

Да, – Железнов взял короткую паузу. – А вот ждать... Ждать – это ждать. Только работа мозга – постоянное эмоциональное подавление стремления что-либо сделать и понимание, что сделать ничего невозможно, кроме того как отсчитывать в мозгу секунду за секундой, которые бесконечной очередью, уходящей за невидимый горизонт, не спеша, шаркая подошвами, бредут через твой мозг, через твоё сознание...

– Красиво. Но не оптимистично, – Железнов обернулся на голос. В дверях стоял Женька Леонов, он же Леоныч, главный продюсер департамента собственного производства телеканала.

– Давно подслушиваешь? Я вон Оберста учу-учу, что подслушивать нехорошо. А тут ты! Ну какой пример ты ему показываешь?! Нехорошо, Леоныч.

Женька слегка оторопел и готов уж был засмущаться, как заметил озорные смешинки в железновских глазах и махнул рукой: «Ладно тебе». – Ну, что, Саня, удалось что-нибудь придумать?

– Леоныч, ты, по-моему, переоцениваешь мои способности. Заткнуть дыры скуки на телевизионном поле, придумать что-то новое, чего еще не было, – задачка не из простых. И решать ее при помощи одного мозга наивно.

– Саня, я все понимаю. Но я потому к тебе и обратился – ты бывший ученый, у тебя, как все знают, нестандартное мышление...

– Все – это кто? – перебил Железнов.

– Наум, я, все, кто с тобой работают.

– Да ладно тебе, Леоныч, прекращай. В общем, так, новый формат сериала или программы в ближайшее время я тебе не обещаю...

– Согласен. Новый формат – вещь уникальная.

– А вот относительно новые темы, которых еще не было на отечественном телевидении, – это можно попробовать. Я вот тут сегодня ночью набросал для тебя заявку на сериал, боевик, – Железнов протянул Леонычу пару листков, – рабочее название «Антарктида. Русский легион»...

– А почему «Антарктида»?

– А с «Русским легионом», значит, ты уже имел дело? – Железнов улыбнулся. – Почитай, здесь есть ответы на многие твои вопросы.

Леоныч устроился на «пьяном» стульчике у полукруглого стола: – Я тут, Сань, при тебе, хорошо? Если вопросы какие...

– Давай, только негромко, а я тут пока цветочный магазин в Новой Зеландии поищу.

– Где?!

– В Новой Зеландии. Как выяснилось, интернет – очень дальнобойная вещь.

– А зачем тебе цветочный магазин в Новой Зеландии? У нас здесь своих хватает.

– Не отвлекайся. С некоторых пор меня интересуют только новозеландские белые розы.

Леоныч вопрошающе посмотрел на Железнова, но ничего не сказал. Тот в свою очередь уселся за компьютер искать сказанное, для чего в поисковой строке набрал «Shops of flowers in New Zealand, Napier».

Рассматривая предложения от новозеландских цветоводов, Железнов слышал, как за спиной бубнит Леоныч, изучая и одновременно озвучивая для себя заявку Железнова:

– Никто никого не уговаривает. И не обещает манны небесной. Обещают контракт на сотню тысяч долларов и сообщают шанс их получить – 13 %. Через год. Если выживешь. 13 %. Странная цифра. Неравнодушная. И еще из бесплатного: чужое имя, автомат, пару магазинов, стянутых карточным валетом, да месяц подготовки. Не хочешь – не бегай до одури, не стреляй до раскаленного жерла и не падай мешком на занятиях по спецподготовке: тогда – бесплатный перелет в экзотику и быстрая смерть. Никто не обещает легкой и приятной: вот ты был – и нет тебя. Как правило, она растягивается на бесконечность – когда остатки жизни без раздумий – на глоток воды, а рук уж нет и фляга далеко – на поясе... Возможны варианты. Но суть неизменна. Один. На краю Земли. Никому не нужный. С актуальным вопросом – а на хрена?!!

Русский легион. Сброд. Бывшие. Авантюристы. Вышедшие в тираж. Те, кого ищут, чтобы убить. И те, кому уже некуда падать. Те, кто готовы пройти через ад, чтобы начать все сначала. И большинство – вне закона.

Антарктида. Потому что холод в глазах. Или пустота. Правильно бы – Арктика. Потому как рядом. Но всё – вопреки, а потому – Антарктида. Потому что остатки души – замороженные гранитные осколки под многокилометровым вечным льдом.

Итак. Русский легион «Антарктида».

Кто-то очень добрый нашел их. Бросил в лагерь. Учил, как мог. Выдал контракт, автомат и билет в одну сторону.

Из легкого: инструкции выучить просто. Вернее, инструкцию. Всего одну. Состоящую из одного пункта. Вместо Бога и всего остального – командир. Он может все. Послать тебя на смерть или убить. Бросить или спасти. И ты можешь все. Вернее, почти все. Кроме одного: не выполнить приказ командира. А если станешь командиром, то можешь все.

Работа. Не пыльная. Стрелять. Нажал на курок и... полетело. Не думать. Командир сказал – стреляем. Сказал: хватит – бежим. Посменная: и ночью тебе, и днем. Ночные, правда, чаще, хотя безразлично – двойной не платят, ставка одинакова в любую смену – жизнь. Твоя или чужая. С какой стороны прицела смотреть. Изобилует разнообразием: тут тебе и засада, и конвои, и многокилометровые рейды, и не менее километровое драпание. С большой охотой к перемене мест. Добавил бы – гнусных (в прямом смысле, гнуса иногда – через край), да и в переносном: господи, в какой только заднице ни живут люди!

Возвращение. Не обязательно. Заинтересовано только од-

но лицо – ты. Возвращение возвращаемых, как правило, дело рук самих возвращаемых. И фантазии. Все знают, где рождаются фантазии, но иницируются они вибрацией из... все тоже знают, откуда. И казалось бы, на хрена?! Но. Родина. Это либо понятно, либо не объяснишь.

Родина. Отдых в пределах перезарядки магазина. Замазка имеющихся неестественных, иницированных кем-то дырок в твоём организме. Планшет с картой, и на борт. Год-то еще не прошел...

Таким образом, Русский легион «Антарктида» – наемная армия, состоящая из русских, или тех, для кого русский – не чужой язык. Принимает заказы. Любые. От правительств, корпораций и частных лиц. Ведет войну с неправительственными войсками, вооруженными формированиями, наркокартелями, боевиками, торговцами оружием, сопровождает караваны, охраняет объекты (в основном нефтяного и энергетического характера), которые нужно сохранить за любые (!) деньги.

Заказы, выполняемые «Антарктидой», практически всегда носят «русский акцент» – своих не бросаем, непредсказуемость, бесшабашность, парадоксальность, «кровавый и беспощадный», если в угол загонят; с детьми, женщинами и стариками не воюем. И еще. Любим свою долбаную Родину. В общем, «умом Россию не пронять»...

– Класс! Энергично! – откомментировал Леоныч. – А почему «не пронять»? В оригинале же «не понять».

Железнов развернулся вместе с креслом лицом к Леоничу.

– Потому что раньше нас, русских, никто не пытался учить жизни. А сейчас пытаются. А я говорю – не пытайтесь. Бесполезно.

– Понял тебя, Саша, – чувствовалось, что Леонич «проникся» и уже в некоторой степени «погрузился» в тему. – Действительно, я не слышал о чем-либо подобном на телевидении. Такого проекта не было. Пойду со своими боссами обсуждать.

– Давай.

– А можно сказать, что это ты?

– Леонич, да как тебе удобно. Только не рассчитывай, что я тебе тут сценарии по ночам писать буду.

– Это почему? Ты же ритм задал в заявке.

– Вот и подхватите его. Сейчас некогда, Леонич. Я занимаюсь другим проектом. «Она мне нравится» называется. Не слышал?

Леонич гыгыкнул, так как сам тоже был задействован в железнновском проекте по самое «не могу».

– Я лучше тебе еще пару свеженьких идей подброшу. Хорошо?

– Это каких? – у Леонича загорелись глаза.

– Я тебе позвоню. Мне их нужно с Наумом обкатать. Хорошо?

– Смотри, ты обещал. Жду.

– Хорошо-хорошо, – Железнов уже был в переписке с новозеландской цветочной компанией: реквизиты, условия оплаты, принимают ли в американских долларах или местный новозеландский им подавай, условия доставки. После чего опять же через интернет с мобильного банка отправил деньги в далекое тихоокеанское двухостровное государство, ни секунды не сомневаясь в том, что Маша всё поймет без сопроводительной записки и подписи.

Завершив с самым главным, по мнению Железнова, делом на сегодняшний день – отправкой Маше цветов, Саша начал собираться домой. Увидев, что Железнов выключил рабочий стационарный компьютер, а личный ноут захлопнул, Оберст занервничал и начал наворачивать по клетке круги, пока не распластался на ближайшей к Железнову стенке клетки, раскинув крылья: «Не уходи»! – процедура, которая происходила в конце каждого рабочего дня, и каждый раз вызывавшая у Железнова угрызения совести – вот, маленького друга бросаешь здесь одного... Сегодня же угрызения совести у Железнова были еще более ярко выражены из-за конфликта со Строевой – в глубине души Железнов был не совсем уверен, что поступил правильно, отказав ей, – все-таки Строева старалась не для себя, а для подруги. А дружба для Александра была понятием, которое он ценил и уважал.

Железнов просунул руку в клетку, погладил Оберста:

– Не грусти. Жизнь состоит из встреч и расставаний. Завтра увидимся. Пока. До завтра.

*** (2)(2) Екатерина Строева

Пивной паб в английском стиле

За две недели до точки отсчета. Понедельник. 18.57

Злость и досада переполняли Катино сознание, когда она стремглав покинула павильон. Двигаясь по коридору к лифту и уже в самом лифте она никак не могла совладать с собой: «Подруга мелкого офисного начальника!!! Да кто он такой!» – изумрудные замораживающие глаза Екатерины Строевой метали молнии – эдакая гроза на вечном полюсе холода. Или – в Антарктиде. Кому как больше нравится. «Самовлюбленный сфинкс! Как он смеет так со мной! Продюсеришка, ничего не добившийся в жизни! Да с него пыль пора вытирать, экспонат музейный! Ненавижу! Я ему покажу!!! Он узнает – что такое унижать Строеву!!!» Нередкие прохожие, шарахавшиеся в стороны от ничего не замечающей на своем пути Екатерины, не знали, да и не могли знать, что наблюдают редчайшее явление в природе – Строеву с пылающими щеками.

Получив жесткий и унижительный отказ от Железнова, Катя буквально влетела в ближайший паб, расположенный на первом этаже того же здания, в котором располагался офис телекомпании. Ее подруга, Валя Полтавец, очарова-

тельная стройная шатенка, из-за которой, собственно, и разгорелся весь кастинговый сыр-бор, еле поспевала за ней. Пролетая мимо стойки с «человеком», Катя бросила: «Два виски. Лучшего. Не дымного. Один – со льдом».

И сейчас, сидя на одном из двух кожаных диванчиков, образующих уютную отдельную кабинку, Катя, еще не остыв, раздраженно обращалась к своей подруге:

– Я никогда от него такого не ожидала! Полное (!) разочарование! Поверь, раньше он представлялся мне как нормальный мужик, адекватный, с чувством юмора и уж точно с очень позитивным отношением ко всем нам... – Катя на секунду прервалась, закуривая. – Всем помогал! Никого не тащил! Но что делает слава с людьми! Ишь, вознесся! Почувствовал себя звездой незаменимой?! Да кто он такой, чтобы так (!) относиться ко мне?!!

– Он тот, благодаря кому ты стала тем, кем стала. И это правда, как бы ты ни злилась.

– Господи! И это моя лучшая подруга! Я же ради тебя...

– Кать, их же было двое, – Валентина улыбнулась, она изначально не очень-то верила в затею Строевой, – что ты на Железнова взъелась?

– А, брось. Ты что, не видишь, что он лидер в этой связке?!

Катя достала из сумочки достаточно изящный и, по-видимому, очень дорогой, под стать волосам абсолютно черный телефон, на крышке которого белыми буквами было начертано всего одно слово VERTU, привычным движением от-

бросила крышку:

– Сейчас позвоню Григу, он его в порошок сотрет.

– Кать, может, не стоит? Это так не похоже на тебя – сама же потом жалеть будешь, – Валентина, что-то вспомнив, усмехнулась. – И потом, наказать его так, как это сможешь сделать ты сама... Никто (!) его так не накажет!

– Ты имеешь в виду охмурить и бросить?

– Катя! Ну что за сленг! Ты же из Санкт-Петербурга! Тоньше надо, нежно и коварно: очаровать, влюбить в себя до беспамятства, слегка подыгрывая, выявить все его слабости, а вот потом... – Валя взяла небольшую паузу, чтобы акцентировать внимание подруги на этом самом «потом». – Потом ты сможешь делать с ним всё, – решительно продолжила она. – Всё, что захочешь, от хождения на задних лапках до...

– ...превращения его жизни в ревностный кошмар! Валя! Ты прямо – Валентино! На коленях ползать будет! – на лице Екатерины расплылась одновременно и хищная, и мечтательная улыбка. – Это очень интересный вариант! Вот и будет, чем в Москве заняться! Валька, – Строева искренне рассмеялась, – ты – умница!

В это время официант принес два низких бокала из толстого стекла с виски и хрустальную емкость со льдом. Рядом с ним образовался хозяин заведения – высокий худощавый джентльмен в сшитом на заказ костюме и с предпоследним номером «Playboy» в руках, на котором Строева заработала большую кучу денег, снявшись для обложки.

Отправив взглядом официанта, джентльмен не заставил долго себя ждать:

– Екатерина, для нас большая честь, что вы почтили своим вниманием наше заведение. Не могли бы вы оставить автограф на память, и на этой стенке мы разместим...

– Табличку, что это мое любимое место, – быстро включилась Строева.

– Да, бронзовую.

– Лучше деревянную, из красного махагони. В дереве больше тепла. С гравировкой.

– У вас – тонкий вкус. Как пожелаете, – и, наблюдая, как Строева ставит размашистый автограф на обложке, добавил: – Естественно, вы теперь всегда наш почетный гость. А почетных гостей и их друзей мы всегда принимаем за свой счет. Надеюсь, вам понравится у нас, – джентльмен вежливо склонил голову и неторопливо удалился, унося свой важный трофей – далеко не во всяком пабе есть обложка из знатного журнала с автографом оригинала.

В это время лежавший на столе телефон ожил – он завибрировал и напомнил о своих дедушке и бабушке – раздался дребезжащий звонок из эры вхождения человечества в передачу звуков на расстояние посредством проводной связи.

Катя бросила Валентине: – Извини.

– Да, Григ. Звонила... Хотела сказать тебе, что у меня здесь в Москве образовались дела. Не знаю... Возможно, надолго... Удачно? Удивительно. А что случилось?

После последнего вопроса Катя надолго замолчала, прервав двадцатиминутный монолог мужа всего три раза: «Нет, я не собираюсь составлять компанию изгою. Ты все правильно понимаешь – я останусь в России», «Мне ничего не нужно... Ах, так... тогда, конечно» и «Наконец-то ты сможешь не скрывать свои с ним отношения. Я тебя искренне поздравляю и желаю счастья». Напоследок Валентина даже ощутила нотки сострадания в голосе подруги: «Прощай, Григ. Я благодарна тебе за то, что ты оказался честен по отношению ко мне и к своему другу. И... спасибо тебе за все». Катя залпом допила виски, показала бармену: «Еще», молча закурила сигарету и наконец-то ответила на немой вопрос Валентины:

– Я – свободна. И пока еще не понимаю, насколько это хорошо или насколько – плохо. В любом случае этот день я запомню надолго.

Валентина не опустилась до тривиального «Что случилось?», понимая, что в жизни подруги сейчас произошло нечто кардинальное – спрашивать в таких случаях бесполезно, захочет – расскажет, ну а нет, так и нет.

По застывшей позе и неподвижному взгляду Строевой несложно было понять, что сознание Екатерины отключилось от внешнего восприятия мира, и что в настоящий момент она прогоняет через себя терабайты информации, пытаясь осознать и выстроить новую систему координат взаимоотношений с окружающим миром, в которой она теперь

должна будет существовать.

– Разрешите? – возле Строевой, слегка склонившись с подносом, стоял «человек». – Вы просили повторить. Ваш виски, – человек поставил перед Екатериной толстый пузатый бокал с янтарной жидкостью, неуловимым движением умыкнув его пустого близнеца со стола.

Потребовались какие-то мгновенья, чтобы Строева «вернулась» – во взгляде появилась осмысленность:

– Да-да, конечно. Спасибо.

Катя пригубила бокал и, по-видимому обращаясь только к себе, недоцитировала: «Да... Судьба играет человеком, а человек... плохо, когда у человека трубы-то и нет...», затем решительно выбила сигарету из пачки:

– В общем, так, подруга, мне нужна твоя помощь. Я прошу тебя остаться в Москве.

– Надолго?

– Пока не могу сказать. Давай сделаем так: я тебе сейчас все расскажу, а ты – принимай решение.

– Если не хочешь, не рассказывай. Я и так останусь. Позвоню завтра Герману...

– Герман? Кто такой? Твой друг? Почему не знаю?

– Нет, – Валя улыбнулась, – начальник отделения...

– Это в банке что ли? Валя, я тебя умоляю... Скажи ему, что ты уволилась, – Катя глубоко затянулась. – Мне нужен партнер. И это место я предлагаю тебе, моей единственной подруге.

– Это ты сейчас придумала?

– Нет. Но сейчас наилучший момент сказать тебе об этом.

– Машину надо бы из Питера перегнать, в Москве без нее...

– То есть ты согласна! Спасибо тебе, – Строева очень по-доброму улыбнулась. – А машина моему партнеру положена по штату.

– Извини, не поняла. По какому штату?

– По Пенсильванскому... или Юта, но уж не индийскому. Это не важно, Валя. Я так решила. Все это теперь не важно. В общем, слушай...

– Может, не стоит? Совершенно не обязательно...

– Да нет, Валя, все, что я тебе сейчас скажу, ты завтра или на худой конец послезавтра узнаешь из газет, – Катя на секунду задумалась, усмехнулась. – Мыслю штампами из детства. Конечно же, не из газет, а из интернета. – Катя еще раз усмехнулась. – Из желтого или ... из голубого. В перевернутом виде – нафантазируют так, что мало не покажется. Я не хочу, чтобы ты тратила время на то, чтобы отделить правду от всего остального. А правда, Валя, состоит в следующем.

На третий день после моего «феерического провала» на железнодорожном шоу ко мне в номер заявился некто, как он представился, Акива Раскин – чистокровный представитель земли обетованной, надо отметить, очень симпатичный, лет тридцати от роду. Естественно, накануне он мне звонил, представился как один из прямых родственников банкиров,

которые в Америке деньги печатают...

– Федеральная резервная система, двенадцать крупнейших банков.

– А ты откуда знаешь? Ничего себе. Валька, да ты...

– Я работаю... вернее, как сейчас выяснилось, работала в банке. И не знать этого мне было бы не то что стыдно, а непрофессионально.

Екатерина как-то по-другому, изучающе посмотрела на Валентину:

– Да, партнер... чувствую, я не ошиблась с выбором. Надо же. Ну, хорошо, обсудим потом. А пока давай не перебивай. Так вот. Этот самый Акива накануне позвонил и сказал мне, что у него для меня есть очень выгодное предложение. Из разряда тех, что бывают раз в жизни. И я, конечно же, согласилась встретиться.

– Ты – авантюристка, мало ли, кто мог позвонить.

– Есть немного. То, что он не простой менеджер по продажам, было видно с первого взгляда. Его взгляда. Взгляда очень уверенного в себе человека. Впечатление усиливали его сопровождающие – два охранника и юрист, которых он выставил за дверь сразу же после того, как они обнюхали весь мой номер.

– Катя... – Валентину покорила последняя фраза, – ты сильно обновила словарный запас, что значит «обнюхали»?

– Пополнила. Живя в Англии, пополнила. Ротвейлеры! Они даже в шкаф засунули свой нос! Видите ли, «Унция

предосторожности стоит фунта лекарств», – прогундосила Екатерина, вспоминая обыск в ее номере. – Ну да ладно! Оставшись со мной наедине, этот Акива сразу же взял быка за рога. Начал с того, что повторил, что у него для меня есть очень, он подчеркнул, очень выгодное финансовое предложение. И сразу же перешел к нюансам. В том смысле, что предложение выгодное, но носит деликатный характер. Что перед тем как прийти ко мне, «они» провели глубокий анализ. Он не стал скрывать, что на предлагаемую вакансию было несколько кандидатов, вернее, кандидаток, но заочный тендер выиграла я, Екатерина Строева. И не в силу своих внешних данных, которые могут поразить воображение у настоящих ценителей красоты... Тут я его перебила и заявила, что если он имеет в виду арабских шейхов, то он зря тратит время.

– Почему ты решила, что это шейхи?

– Ну... как-то... в общем «ценители красоты» распалось у меня на гарем и ценителя, – Катя грустно улыбнулась. – Как-то так. Да. Так он, этот Акива, представляешь, поджал губки. Обиделся. Как это я смогла подумать о нем (!), что он гонец каких-то там шейхов. И продолжил:

– Вы не дослушали меня, Екатерина. В первую очередь нас поразила не ваша красота, а выдержанность вашего характера.

На этом месте Екатерина усмехнулась:

– Да-а... Интересно, пришел бы он ко мне с моим выдер-

жанным характером, если бы видел сегодняшнюю мою сцену с Железновым, – и сама же себе ответила, – пожалуй, что нет.

– На твоём месте сегодня мало кто бы не сорвался.

– Не успокаивай. Проехали. Продолжаю. Ну так вот, выдержкой он не ограничился, отметив мой ум, сдержанность, отсутствие злоупотреблений в виде алкоголя, не говоря уж о других зависимостях, безупречную репутацию в прошлом и достигнутую известность в настоящем. В общем, Валя, я в первый раз, открыв рот, слушала комплименты, когда ни о моих ногах, глазах, фигуре и груди не было сказано ни слова! Представляешь, ни слова! Естественно, после подобных дифирамбов я набрала в рот воды: выдержка, так выдержка, нужно соответствовать созданному образу – рано или поздно он все равно скажет, зачем пришел.

Надо отдать ему должное, видя, что я превратилась в памятник самой себе, рассусоливать он не стал и достаточно быстро изложил мне общие условия контракта: есть некий российский гражданин, очень богатый, из тех, кого принято называть олигархами, и которому нужен статус женатого гражданина, но по определенным деликатным причинам он не может выполнять супружеские обязанности... Памятник памятником, а тут я не сдержалась: «Импотент, что ли?»

Поначалу мне показалось, что этот Раскин пропустил мой вопрос мимо ушей. И вообще мне показалось, что он опять обиделся. Правда, я не поняла почему. Однако от вопроса не ушел:

– Екатерина, мы потому и остановились на вашей кандидатуре, учитывая, что вы более чем кто-либо другой сможете держать это в тайне и ни с одним человеком на Земле не будете обсуждать данный вопрос. В том числе и с вашим будущим мужем.

Я, конечно же, не утерпела:

– А вы не боитесь обсуждать эту деликатную тему со мной. Я пока еще не согласилась.

– Не боимся, – при этом он так посмотрел на меня, что да, я поняла, не боится, что у него тысяча и один вариант закрыть эту тему. И некоторые из них могут мне совсем не понравиться. Выдержав паузу, Акива несколько смягчил ситуацию:

– Имя я вам пока не называл, так что мы сейчас здесь обсуждаем общие условия сделки.

– Хорошо, – я попыталась резюмировать первую часть переговоров. – Вы хотите, чтобы я стала женой вашего... протеже-олигарха, супружеский долг исполнять не надо, да, кстати, а ему не девяносто лет? Очень, знаете ли, неприятно, когда на тебя смотрят, как на продажную тварь.

– На этот счет ваши сомнения напрасны. Как минимум, в два раза меньше озвученной вами цифры.

– И то, слава богу... Итак, продолжим: насколько я должна участвовать в его жизни? Нет, не так. Насколько я поняла, я ему на фиг не нужна, за исключением демонстрации семейной идиллии. То есть, сформулирую по-другому: какова

степень трудовой занятости? И главное – а что, собственно, вы мне предлагаете взамен, учитывая, что я лишаюсь романтической первой любви и обретаю статус строгой семейной женщины? Со всеми вытекающими воздержаниями.

– То есть вы согласны?

– Я не слышала ваших условий.

– Они будут сказочными, поверьте. Но здесь не место обсуждать подобные сделки. Очень уж оно... открытое. Предлагаю вам проехать в наше посольство, где и обсудим все детали.

– Как ты понимаешь, Валя, мы договорились. Женихом оказался Григорий. На следующий день мы с Акивой улетели в Лондон, где он нас познакомил. Григ отнесся ко мне без интереса, но достаточно вежливо. Чувствовалось, что ко мне он относится как к одному из условий крупной сделки, которое необходимо соблюдать. Присутствующий на встрече Акива объяснил мне, что по понедельникам я буду получать перечень мероприятий, на которых я должна присутствовать, в среднем, из обязательных – одно-два в месяц, остальные – по желанию, что жить я смогу либо в лондонской квартире, либо в загородном доме, и из обязательного – создавать впечатление обычной семьи, без скандалов, что свадьбы на самом деле не будет, но в средствах массовой информации будут размещены соответствующие статьи о том, что Григорий Суханов взял в жены русскую звезду Екатерину Строеву... ну и дальше в том же духе – что можно, что нельзя. В общем,

контракт рассчитан на пять лет, после чего мы с Григорием разведемся, и я смогу жить, как захочу. При одном единственном и понятном условии – держать язык за зубами.

– Так все и было до сегодняшнего дня, – Катя достала очередную сигарету.

– Он что, выбросил тебя из своей жизни? – Валентина подтолкнула подруге лежавшую на столе зажигалку.

– Да нет. Он выбросил себя из своей жизни.

– Не понимаю...

– Я и сама не все понимаю. Догадывалась кое о чем, конечно. И, естественно, он мне все не сказал. Вернее, сообщил только то, что счел нужным. А сообщил он мне, что наш контракт можно считать расторгнутым. По его прошлым делам начали копать. Ты же понимаешь, было бы желание накопать под очень богатого человека. Свои российские активы он переписал на меня – так как продать их он не успевает, типа – все равно пропадут. Отметил, что вела себя я правильно, сама никуда не лезла, глаза ему не мозолила, во время официальных выходов в обществе глупую любовь не изображала, его светлое имя интрижками не порочила. В общем, он даже стал уважать меня... За что и проявил невиданную щедрость.

– И где он ее проявил?

– Валя, он сказал мне, что оставил мне все в акциях. Ты знаешь, что такое акции?

– Знаю.

– Очень хорошо. Единственное работающее предприятие, где я стала полновластной владычицей, он так и сказал: «полновластной владычицей», – это охранный агентствo здесь, в Москве. Я там даже один раз была. С Акивой. Григ сказал, что там грамотные руководители, и настоятельно советовал с ними познакомиться. Они должны со мной связаться.

– А если не свяжутся?

– Не знаю. Посмотрим. Он сказал, что их деньгами и всем имуществом могу распоряжаться только я. Теперь могу.

– Слушай, а может, он тебя тайно любил?

Екатерина улыбнулась, но как-то грустно.

– Любил он только своего Акиву. Он гей. И когда понял, что я обо всем догадалась и отнеслась к этому с пониманием, то тогда, по-видимому, и завоевала его если не уважение, то терпимость. Все встало на свои места: он был депутатом. И я нужна была ему как жена депутата. И как депутат он должен был вернуть все свои деньги в Россию. Он этого точно не хотел делать. А здесь, в Москве, это поняли. И начали под него копать. Терять ему стало нечего: путь понятный – прекращение полномочий, спрятать свои миллиарды подальше и – на райский остров вместе с Акивой.

– Так это Акива был его пaссией?

– Ты знаешь, вот чего я не поняла, так это – кто был чьей подругой.

Катя пригубила виски:

– Вот так бывает. И замуж сходила, и девицею осталась.

Сказать кому – засмеют. В моем-то возрасте... Пойдем, по-друга – великие дела нам предстоят: Железнова изводить будем.

*** (5)(1) Маша

Где-то в Новой Зеландии. Гористое побережье. Лагуна

За 10 дней до точки отсчета. Понедельник. 9.30 утра

«А сегодня он – изумрудный», – Маша стояла на небольшой площадке, огороженной массивными деревянными отполированными временем перилами, перед ней до горизонта простирался Тихий океан. Площадка была «смотровой» и поэтому располагалась на самой высокой скале, отделявшей лагуну от океана. «Да, именно изумрудный, а не зеленый... Как же красиво. И как же далеко. Как далеко от него». Маша про себя усмехнулась превратностям судьбы: «Я могу видеть все это великолепие только благодаря Железнову. Только из-за того, что он появился в моей жизни, муж захотел уехать на край света. Правда при условии, что с ним поеду я... А если бы я не поехала... Нет. Дети не должны видеть семейных скандалов. И дети не должны видеть растерянного отца с заискивающим взглядом. У детей не должно возникнуть чувство неполноценности из-за того, что у них нет папы, как у всех. Я поступила совершенно правильно»... Совсем некстати раздался зуммер телефона. Без особого желания взглянув на определитель, Маша грустно улыбнулась: «Деваться некуда»:

– Да, Сергей Борисович. Я договорилась... Они приняли все наши условия, – разговаривая по телефону, Мария Николаевна Азарова развернулась в сторону глубокой и красивой лагуны, окаймленной скалами, сплошь покрытыми тропической растительностью. Лишь небольшой участок берега был явно искусственного происхождения – пологий берег напротив современной и красивой виллы, в которой жила она, Мария Николаевна. С мужем и детьми.

– Да... Они согласились – никаких офшоров. Первый транш в понедельник. Да... В ближайший. Нет... Документы сегодня мне выслали. Самолетом. Должны быть завтра. Обязательно... Спасибо... И вам всего доброго».

Закончив разговор, Маша посмотрела в сторону дороги, прорубленной в скалах над лагуной – время приближалось к обеду, с минуты на минуту должен был показаться лимузин, на котором привозили детей из школы. «А это еще что?» – по дороге двигался небольшой пикапчик, явно чья-то служба доставки. Пожав плечами, Маша двинулась вниз, к дому, по огороженной деревянными перилами дорожке с вырубленными в скале ступеньками. Не пройдя и двадцати метров, она заметила маячившего за пальмами охранника.

– Густав! Я же просила не шпионить за мной! Что вы здесь делаете? Вам мало видеокамер?!

– У меня приказ, мэм.

– Чей приказ?!

– Господина Дениса, мэм. Вы же знаете...

– Считайте приказ отмененным, – холодно бросила Мария Николаевна. – Мной. С этого момента, – и двинулась в сторону дома.

Маша успела вовремя. В холле, выходящем на две стороны дома и соединяющем (или разделяющим, все зависит от точки зрения) два мира – вид на океан и вид на ухоженный сад в английском стиле, Линда, старшая homelady, с педантичной немецкой дотошностью вела допрос обескураженного курьера, который не мог дать ответа ни на один из ее вопросов: кто, что, откуда? Между ними на невысоком журнальном столике находилась большая корзина с огромным букетом очень высоких и абсолютно чистых белых роз.

– Я вам еще раз повторяю. Мы не заказывали цветы. Даже такие красивые. Вы, по-видимому, ошиблись адресом, и оплачивать этот букет мы не будем!

– Все уже оплачено, мадам. Я только доставил его по указанному адресу.

– Кем оплачено?

– Я не знаю, мадам.

– Как это так?! Как это вы не знаете! А что вы знаете?!

– Мадам, заказ поступил анонимно. По интернету. Деньги поступили на наш счет, с оплатой за доставку и даже с чаевыми.

– Много?

– Цветов? Сколько заказывали – сто одна роза.

– Чаевых много?

– Господин оказался достаточно щедрым.

– Откуда вы знаете, что это господин?!

– Я не знаю. Я предполагаю.

– Да как вы можете...

– Хватит, Линда! – появившаяся в холле с «океанского»

входа Маша моментально оценила ситуацию – ей были известны ответы на все «Кто»? «Что?» и «От кого» – безумно красивые белые розы в немереном количестве – это Железнов. Больше – никто. – Линда, отнесите цветы ко мне в спальню и рассчитайтесь с молодым человеком – кивок в сторону курьера.

– Мэм, доставка оплачена, – только врожденная немецкая экономность подтолкнула старшую управляющую к легкому возражению-напоминанию. – Вместе с чаевыми, мэм...

– Мне нужно повторить? – Мария Николаевна смотрела сквозь Линду. – Не разочаровывайте меня, Линда.

– Да, мэм, – Линда опустила глаза.

– И позвоните Патрику. Где дети? Небось, опять кормит их мороженым в городе?

– Да, мэм.

– Это от него?!!

Маша резко развернулась: в дверях лифта, соединяющего оба этажа виллы, стоял муж.

– Да что же это такое! Почему Он знает, где мы?! – в голосе Дениса звучало нескрываемое возмущение, а в глазах присутствовали растерянность и страх.

Совершенно некстати в дверях со стороны сада появились дети: Елена, высокая стройная светловолосая девочка лет двенадцати с умненькими глазками, и Сергей, очень серьезный юноша, несмотря на свои шесть лет.

– Ой, какие красивые, – Елена всплеснула руками, направляясь к букету белых роз на столике. – Мама, это тебе подарил любовник? – совершенно непосредственно спросила дочь.

Маша, краем глаза видя, что муж готов вот-вот взорваться и сорваться на крик, тепло улыбнулась дочери и, чуть повернув голову в сторону мужа, спокойно произнесла:

– Не устраивай истерик. Хотя бы при детях, – и, приобняв дочь за плечи на правах «мамы – старшей подруги», улыбаясь, весело зашептала на ушко Елены. – Откуда у нас такие глубокие познания? В школе научили? – Маша несколько натужно рассмеялась. – Доченька, герои-любовники – это из сериалов и кинофильмов. Чтобы поддержать интригу. А у меня один герой – наш папа, – и, развернувшись к Линде, жестко отдала команду. – Отнесите цветы наверх ко мне.

Поднявшись в спальню, Маша застыла у панорамного окна шириной во всю спальню с видом на бескрайний, бесконечный океан. Серый океан.

За спиной у Маши хлопнула дверь. Маша продолжала бездумно смотреть на океан, ощущая его исполинские размеры и такое же равнодушие: «Ему все равно. Катит и катит свои волны. Миллионы лет. Не испытывая ничего, кроме этого

монотонного движения. А может, и не замечая его».

– Все, что ты можешь мне сказать, я знаю, – произнесла Маша, не оборачиваясь, – как и то, что ты знаешь, почему я здесь. Только ради детей.

– Ради детей!!! – Денис всплеснул руками и двинулся было к Маше, но натолкнувшись на холодную чужую спину, так же быстро вернулся к двери. – Ради детей!!! «Мама, это твой любовник?!» – в голосе Дениса явно слышался сарказм. – Ты так (!) понимаешь «ради детей»?!

– Прекрати, – устало произнесла Маша, продолжая стоять спиной к мужу, не желая видеть его, – ты же знаешь, что между нами ничего не было.

– Тогда зачем тебе это?! – Денис, размахивая руками, бежал по комнате от стены к стене. – Зачем ставить под угрозу все, чего мы столько лет добивались! Ты же мать! Ты же хочешь, чтобы наши дети учились в Лондоне! Ты же хочешь, чтобы им не пришлось столько пройти, чтобы занять достойное место в жизни!

На секунду Денис остановился. Маша продолжала стоять у окна, не оборачиваясь и никак не реагируя на слова мужа. Денис продолжил движение поперек спальни, кидая слова в спину жене. – Скажи, ну что?! Что (!) он может дать тебе и детям?! У него же ничего нет! Ни-че-го!!! Ты хочешь, чтобы дети спали в одной комнате?! Ты хочешь, чтобы они получили «среднее», – в голосе Дениса опять прорезался сарказм, – образование?! Во всех смыслах – «среднее»!

– Тебе этого не понять, – Маша говорила устало и равнодушно, совершенно уверенная в том, что да, ему этого «никогда не понять».

– Да! Мне этого никогда не понять! Что?! Что в нем «такого» (!), что завораживает тебя, как кролика! Ты – эгоистка! Ты думаешь только о себе! А не о детях, якобы ради которых ты сюда приехала! И он – эгоист, которому наплевать на всё и на всех.

Маша медленно развернулась. В глазах ее стояли слезы.

– Ты прав в одном. На чужом горе счастья не построишь, – Маша сверкнула глазами. – Я имею в виду тебя. Тебе больше не нужно переживать. Я прекращу все отношения с ним. Взаимоисключающим образом.

– Что ты имеешь в виду? – Денис озадаченно и в то же время подозрительно всматривался в Машино лицо.

– Это не важно. Важно, что у детей будет такой замечательный отец, как ты.

*** (1)(2) Железнов

Уютное кафе в старом районе Москвы

За 9 дней до точки отсчета. Вторник. 22.29

У нее что-то случилось. Что – этот вопрос уже вторую неделю был доминантой всего существования Железнова. Ноги сами принесли его сюда – в уютное кафе, стилизованное под средневековье, в старом районе Москвы. В кафе, где состоялась главная встреча в его жизни. Встреча с Машей.

За год здесь ничего не изменилось: все те же каменные стены и потолок. Арки. Камин. Полумрак. Факелы. И народу немного, как и тогда. Только тогда это был понедельник. Это Железнов точно помнил – понедельник. А сегодня – вторник. Не время для отдыха. Время для размышлений.

Как и тогда, Железнов занял место в углу, лицом ко входу. За грубо срубленным столом, на той же табуретке. Железнов сделал глоток виски и прикурил сигарету. «Почему она молчит? Что же у нее могло произойти?» – мысли о Маше ни на секунду не оставляли его. Она всегда была с ним – в мыслях, в чувствах, чтобы он ни делал и где бы ни находился – она всегда была с ним. Женщина, которую он любил, любил безумно, безмерно и безнадежно.

Они договорились, что он не будет ей писать. Она насто-

яла на этом. Она все знает. Знает, что ждет. Знает, что для него нет ничего более важного в жизни, чем она. А она раз в неделю присылает ему small message service (sms), чтобы не сойти с ума от разлуки. Как правило, короткую: «Я с тобой».

«Ну, понятно, дети рядом... Совсем ни к чему лишний раз унижать мужа – он, по-видимому, хороший отец и обычный нормальный человек (за плохого она бы и не вышла), единственно что – нелюбимый... Проблемы по работе? Вряд ли. Это не повод не писать. Потеряла телефон и не помнит твоего? Гм... Не хотелось бы об этом думать – потому как, если не помнит, значит для нее это особо и не важно...» – Железнов мучительно пытался «вычислить» причину Машиного молчания, раз за разом обходя стороной одну и ту же мысль, с которой он категорически не хотел мириться: Маша устала. Устала от двойной жизни, от немых укоров мужа. Устала от ожидания. От ожидания, когда закончится эта трехлетняя новозеландская командировка на край света, от ожидания, пока дети вырастут, и от молчания Железнова, которому она под страхом сохранения их любви приказала молчать...

Железнов поднял руку. Бармен Штоссер (Железнов как-то не удосужился узнать, что означает эта последовательность букв – прозвище или фамилию) отреагировал моментально – кивнул головой и совершил несколько несложных манипуляций с бутылкой, бокалом и их перемещением в сторону Железнова, определяемых простым понятием «повто-

ритель».

От размышлений Железнова оторвал телефон – Наум:

– Да, Няма.

– Саня, ты где? Я тут у тебя в кабинете наблюдаю грустного, одинокого и молчаливого Оберста, ты что, уволился?

– Спит он. Не разбуди. У тебя редчайшие аналитические способности – не всякий мозг может связать часовое отсутствие в офисе с увольнением.

– Так двадцать два тридцать всего. Я тут на монтаже парюсь, а ты свалил. Без спроса, заметь.

– Я так понял, есть хочешь?

– Стал бы я тебя по мелочам беспокоить.

– Женился бы ты и по вечерам имел бы котлетки горячие в постель.

– Саня, вот ты скажи мне – ну что я тебе такого сделал, чтобы ты мне гадости на ночь глядя говорил?! А? Вот что?

– Это зажаренная картошечка с котлетками – гадость?! В мусорном бачке ты не бомжевал!

– Картошечка... – чувствовалось, что Наум голодно сглотнул. – Саня, ну почему ты не женщина, я бы...

– Размечтался. Ладно, так и быть, устрою тебе фронтовой ужин.

– Это что?

– Бутылка водки, огурцы соленые, селедка, банка тушенки, шматок сала...

– Шматок сала, – в голосе Наума звучало блаженство, – и

картошечки...

– Сейчас заскочу в «Азбуку» и – домой, стол накрывать. За полчаса управишься?

– Считай, что уже все бросил и бегу!

Железнов схлопнул телефон и уже махнул было рукой Штоссеру: «Счет, пожалуйста», но не срослось – загораживая стойку, перед ним стояла Екатерина Строева. Собственной персоной. И – в полный рост.

– Здравствуйте, Александр. Разрешите присесть? – Строева, не отрывая взгляда от Железнова, повела оголенным плечом в сторону свободного места напротив него.

– Не говори, что ты здесь оказалась случайно, – Железнов отметил, что с нарядами у Екатерины, как всегда, все в полном порядке. В этот раз на ней было какое-то супермодное короткое и, судя по простоте линий, очень дорогое и несимметричное платье – правая верхняя часть просто отсутствовала, оголяя плечо, а рукав трансформировался в самостоятельную единицу – в черную перчатку по локоть. – Я здесь бываю один раз в месяц, так что не говори, что тебе сказали, где меня всегда можно найти.

– Не буду, – Екатерина присела напротив Железнова. – Я подъехала к офису, все знают, что раньше девяти вы не уходите. А вашу машину я знаю.

– Да откуда же?

– Знаю, – Строева смотрела в глаза Железнову и явно не собиралась раскрывать источник своих знаний. – Дождалась

и поехала за вами.

– Надо же! – Железнов искренне удивился. – За мной трудно удержаться...

– Трудно.

– ...я достаточно быстро езжу. И где же ты была? Я уже минут сорок здесь. Или отстала, а потом кружила по району, пока не увидела мою машину?

– Не решалась зайти. Если честно, боялась.

– Ты – и боялась?! – Железнов усмехнулся. – Как-то не срастается.

– Боялась, – Строева пожала плечами. – Я сама удивилась этому ощущению. Сидела в машине и смотрела на вас через окно.

– И? – Железнов взглянул на часы, что-то прикинул в голове и закурил сигарету.

– Мне показалось, что вам одиноко, вот я... и зашла.

– Неправдоподобно, – отрезал Железнов. – Но да ладно. Зачем ты хотела меня видеть?

– Хотела извиниться за истерику на кастинге.

– Ага. Странно это...

– Со мной такое впервые, – Катя попробовала перебить Железнова. – Простите меня...

– ...женщинам с твоим характером, – Железнов не остановился и продолжал говорить одновременно с Екатериной, – испорченным всеобъемлющим круглосуточным вниманием мужчин, плюс с твоим статусом жены миллиардера – это

несвойственно.

– Вы меня не знаете. Совсем, – Катя говорила совсем тихим голосом. – Да и статус изменился. Кардинально.

– Согласен, что не совсем. Первоначальная оценка любого нового человека формируется на основании так называемого жизненного опыта. Путем сопоставления – подбора наиболее близкого аналога из известных на момент знакомства. А потом она, эта первоначальная оценка, корректируется по результатам личного общения. Но тут ситуация несколько иная: я точно знаю о тебе то, чего не знаешь ты.

– Странно... – Строева на мгновение задумалась. – Вы мной не интересовались, я бы почувствовала... Женщины всегда это чувствуют.

– Ты аномалия. Статистическая аномалия. Именно поэтому я и обратил на тебя внимание.

– Аномалия? – Екатерина явно не понимала, о чем говорит Железнов.

– Да. Выбивающаяся из общего ряда. Не такая, как все.

– Каждый человек индивидуален. Не такой, как все.

Железнов несколько удивленно посмотрел на Екатерину – он ожидал от нее более поверхностных оценок, если вообще ожидал.

– Веришь в уникальность человеческой личности? Если личности, на первый взгляд, и не видно?

– Верю, – в интонации Строевой Железнову почудился вызов.

– Это хорошо. Тогда объясню. Ты меня удивила – теоретически ты не должна была бы верить, – Железнов еще раз взглянул на часы. – Только кратко – меня Наум ждет, а опаздывать – это не мой стиль. Так вот...

– А можно мне с вами? – очень тихо спросила Катя.

Прервавшись на полуслове, Железнов вдруг увидел, что знаменитые на всю страну зеленые замораживающие глаза Кати стали почти голубыми, что иногда, как знал Железнов, происходит с зеленоглазыми в минуты душевного напряжения или эмоционального всплеска.

– Меня муж бросил. И мне очень плохо, – так же тихо продолжила Катя.

– Бывает, – Железнов про себя усмехнулся, вспомнив, как он много-много лет назад, на заре своей юности сбежал от своей первой и, как выяснилось по состоянию на сегодняшний день, последней жены. – А выглядишь как будто хорошо.

– Ну, пожалуйста. Я не хочу сегодня быть одна.

– Ладно. Но при одном условии – рот не открывать, вопросов не задавать.

– Я согласна.

*** (1)(3) Железнов

Квартира Железнова

За 9 дней до точки отсчета. Вторник. 23.35

Железнов накрыл сковородку крышкой, уменьшил огонь и вполоборота развернулся к Катерине, уютно устроившейся с ногами на угловом диване в противоположном от Железнова углу кухни:

– Так вот, вернемся к твоей аномальности...

Не прекращая говорить, Железнов открыл высокую, до потолка, деревянную дверцу слева от газовой плиты. Неожиданно для Екатерины за ней оказался встроенный холодильник. Железнов, хмыкнув от непривычного изобилия, достал пару банок и несколько свертков и упаковок, которые переместил на столешницу справа от себя:

– Ты – красивая женщина. Объективно красивая. Объективно – в данном случае означает не мое личное мнение, а результат признания твоей красоты статистически значимой выборкой мужчин. А статистически значимой – это значит достоверной, когда субъективные оценки отдельных мужчин складываются в общую объективную оценку, когда количество перерастает в качество. То есть проявляется один из фундаментальных законов диалектики...

– Я в курсе, – неожиданно прорезалась Екатерина. – В смысле основ философии, – несколько смущенно продолжила она.

– Неожиданное рядом... – взгляд Железнова принял несколько озадаченное выражение. – Ну, хорошо. Тогда ты должна понимать, что если ты понравилась трем мужчинам – это ни о чем не говорит. Но если ты понравилась сорока трем из пятидесяти, то наука утверждает, что такая оценка является объективной и ей можно доверять...

Катя молча слушала Железнова. После неудавшейся попытки предложить Железнову свою помощь – он не преминул напомнить ей, что основным условием ее присутствия здесь, у него, является «отсутствие присутствия», то есть она представляет собой элемент интерьера кухни, пусть и красивый, но безмолвный, – Катя смирилась с уготованной ей ролью и, аккуратно подобрав под себя ноги, вполоборота разместила в центре углового дивана, подперев голову рукой, вся превратившись в слушателя:

– ...а если ты не просто понравилась, – Железнов выкладывал из банки на тарелку соленые огурцы. – А понравилась больше, чем твоя соперница на подиуме, которая в несоревновательных условиях тоже, скорее всего, просто так понравилась бы очень и очень многим мужчинам, то это означает, что твои внешние данные при оценке женской красоты являются более предпочтительными по сравнению с тоже красивой женщиной, но которая тебе проиграла, – Железнов

отставил банку и развернул промасленный пакет, в котором оказалась скумбрия. Железнов вдохнул исходящий аромат. – Пахнет-то как... вкуснотища! Ага. Вот тут мы и подходим к тому, чего ты о себе не знаешь, – Железнов, стоя вполоборота к Кате, крупными кусками нарезал золотисто-синюю рыбу. Неожиданно он поднял голову и поймал взгляд Екатерины. – Думаю, что у тебя было мало поклонников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.